

АНДРЕЙ ФУРСОВ

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ-2011: СКРЫТЫЕ ШИФРЫ (МОТИВЫ, ЦЕЛИ, ИНТЕРЕСЫ)

*И в страхе бежал разбитый Главный
Буржуин, громко проклиная эту
страну с её удивительным народом,
с её непобедимой армией и с её неразга-
данной Военной Тайной.*

А. Гайдар “Сказка о военной
тайне, о Мальчише-Кибальчише
и его твёрдом слове”

“НОВЫЕ” ПЕСНИ О СТАРОМ

У нас снова заговорили о десталинизации. Главными десталинизаторами нового призыва стали М. А. Федотов (председатель Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека) и С. А. Караганов (председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике). М. Федотов ещё в конце 2010 г. пообещал начать, по сути, “крестовый поход” против сталинизма (сразу вспоминается Крылов: “Ай, Моська, знать, она сильна”). Вкратце позиция очередной бригады десталинизаторов, сформулированная в проекте программы “Об увековечивании памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении” и в статье С. Караганова “Не десталинизация, а модернизация сознания” (“Независимая газета”, 01.04.2011), такова. Сегодня главная задача страны – модернизация сознания общества и элиты, без этого невозможны техническая и политическая модернизация. На пути модернизации сознания – нынешнее морально-этическое состояние общества, обусловленное тем, что мы до сих пор не заклеямили античеловеческий режим, существовавший более 70 лет. И пока мы это не сделали, пока не дали политико-правовую оценку преступлений прошлого, не настроили мемориалов жертвам тоталитаризма, не будет национального примирения (элиты и общества), а следовательно, модернизации. Народ должен каяться, поскольку участвовал в самогеноциде (гражданская война, голодомор, коллективизация, репрессии 1930-х годов и т. д.). Репрессируемые, пишет С. Караганов, “были, как правило, лучшие представители народа. [...] Продолжать скрывать от себя свою историю – неявно оставаться соучастниками этого преступления”.

Вот такие “сапоги всмятку”. Читаешь, и вспоминается Н. Заболоцкий:

*Всё смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.
[...]
Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет —
Разум мой! Уродцы эти
Только вымысел и бред.
Только вымысел, мечтанье,
Сонной мысли колыханье.*

В предложениях “десталинизаторов-2011” в кучу сумбурно-истерически свалено всё, что можно. И тем не менее, когда начинаешь разбираться в этом потоке сознания, довольно быстро вылезают очевидные “уши” совершенно определённого качества — групповые (классовые) мотивы, интересы и цели и стремление устранить препятствия на пути их реализации с помощью жупела “сталинизм” и борьбы с теми, кто этой реализации мешает, как со сталинистами. Вот и займёмся этими “ушами”.

Прежде всего, хочу обратить внимание на несколько вопиющих, доходящих до уровня когнитивного диссонанса, противоречий “неразумных хазар”, собравшихся отмстить Сталину и заодно поучить народ уму-разуму. Затем посмотрим на реальные цифры политических репрессий с 1922-го по 1953 г. и разберёмся, во-первых, сколько из них приходится на период, когда Сталин действительно реально руководил страной, во-вторых, на содержание, композицию, причинно-следственный механизм этих репрессий.

За последние десятилетия появилось немало серьёзных и непредвзятых, написанных вовсе не сталинистами исследований сталинского периода вообще и борьбы за власть и репрессий в частности. Они представляют совершенно иную картину, чем то, что изображали Хрущёв на XX и XXII съездах КПСС, Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ”, “профессиональные” советологи на Западе, советские шестидесятники и диссиденты, а также перестроечная и послеперестроечная шпана от публицистики.

Сегодняшние десталинизаторы либо не знают этой литературы, и тогда грош цена их профессионализму да и интеллекту тоже, либо знают, но тогда, получается, сознательно лгут, скрывая реальную историю, то есть делают то, в чём они обвиняют неких “сталинистов” (кто это там громче всех кричит “держи вора!?”)

Чтобы не быть голословным, коснусь вопроса о количественном и качественном аспектах репрессий — нельзя позволять безнаказанно лгать, независимо от того, имеем мы дело с незнанием или сознательным умыслом, ну а затем — к вопросу о реальной десталинизации, которая началась при Хрущёве и завершилась в первой половине 1970-х годов при Брежневле — для этого придётся сделать краткий экскурс в советскую историю, осветить логику развития номенклатуры — её превращение из слоя-в-себе в слой-для-себя. Условием завершения этого процесса был демонтаж советской системы и СССР, причём именно десталинизация стала направлением главного удара по советской системе, по СССР, в самом начале перестройки.

В связи с этим возникает следующий вопрос: если СССР разрушен, если уже двадцать лет у нас другой строй, то зачем же опять десталинизация? Что является её мишенью на этот раз? По всему выходит, что сегодня главная мишень десталинизаторов, выражающих интересы, мотивы и цели определённой части правящего слоя, а именно — ультралиберального, сама Россия — Россия и русские. При этом причины здесь не национального, а в большей степени классового и цивилизационного (психоисторического) порядка: реализации капитализма, тем более в его социал-дарвинистской, ультралиберальной версии, проталкиваемой определённым сегментом правящих слоёв РФ (в борьбе с другими слоями, не говоря уже о населении), препятствует уже не советский строй, не социализм, а сама русская цивилизация, русский психотип, плохо совместимые с торжеством капитала. Здесь-то и возникла потребность в реанимации десталинизации, призванной выполнить и некото-

рые другие функции, которых я коснусь. И, наконец, последний по счёту, но не по значению вопрос, точнее, комплекс вопросов: а не является ли нынешний виток десталинизации контрпродуктивным по отношению к преследуемым целям? Насколько он адекватен ситуации в стране и, что не менее важно, в мире? Насколько адекватны этому миру и Хозяевам Мировой Игры не столько исполнители (с ними всё ясно), сколько заказчики антисталинских плясок — что день грядущий им готовит? Ананасы, рябчиков или нечто иное, например, “караул устал”, а то и похуже. Но обо всём по порядку.

ВОПРОСЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Для начала зафиксирую несколько противоречий, сразу же бросающихся в глаза. На дворе — 2011 год. Значительную часть правды о том, что произошло в стране в 1930—1940-е годы, многие знали уже тогда. После 1956 и 1961 годов (XX и XXII съезды КПСС) узнали почти все. Ну, а в перестройку, не говоря о постсоветском периоде, информация о “страшном прошлом” и его извергах, преследовавших несчастных “детей Арбата”, полилась как из рога изобилия. Вопрос: кто же это сегодня полускрывает историю, кто же это “скрывает от себя страшный грех семидесяти лет коммунизма — сталинизма — тоталитаризма”? Граждане десталинизаторы, оглянитесь кругом: изо всех дыр уже четверть века льётся информация о страшном “коммунизме — сталинизме — тоталитаризме”.

Далее. Авторы проекта зовут к замирению. Но неужели им в голову не приходит, что планируемая ими кампания десталинизации не замиряет общество, а, напротив, провоцирует в нём конфликт, резко обостряет его. Либо у “десталинизаторов-2011” когнитивный диссонанс, либо они сознательно лгут и их цель — спровоцировать конфликт, и мы имеем дело с банальной провокацией. В пользу второго говорит ещё одно противоречие. Федотов, Караганов и Ко осуждают репрессии, призывают наставить памятников жертвам (многие из которых, сегодня мы это знаем, были палачами народа — прежде всего русского) и в то же время сами, по сути, призывают к репрессиям. И дело здесь не только в предлагаемом ими запрете на профессию по идеологическим причинам для тех, кто не согласен с огульно-негативной оценкой Сталина, но в другом. Более половины (!) населения РФ, в том числе молодёжь, позитивно оценивает деятельность Сталина, его роль в русской истории — об этом свидетельствуют и опросы, и “Имя России”, и многое другое. Предлагаемый проект кампании десталинизации — удар по этой части населения, подавление её. А что такое репрессии? Это подавление одной частью населения другой в своих интересах. Так что же, господа, выходит — по вашей же логике, — вы не кто иные, как сталинисты? Каяться немедленно. И заодно — бегом к юрисконсульту — с правовой основой проекта явно не всё в порядке. Да и с моральной тоже.

Кстати, о морали. Десталинизаторы любят поразглагольствовать о ней, пнув недостаточно моральный, по их мнению, народ. При этом они и заикнуться не смеют о моральном облике не народа, а верхушки — в своей массе насквозь коррумпированной, социал-дарвинистской в духе худших образцов британского капитализма диккенсовских времён, холуйствующей перед Западом и млеющей от всего западного (от быта до вышедших в тираж рок-групп и второразрядных актёров и актрис), признающей только силу и богатство и, конечно же, презирающей народ. Понятно, пёс не может оскалиться на хозяйина, ну хоть хвостом не так сильно виляй.

Ещё одно противоречие, которое на наших глазах обретает не просто реальные, а вещественные очертания. “Десталинизаторы-2011” полагают “модернизацию сознания” необходимым условием модернизации экономики. За модернизацией сознания на самом деле скрывается задача заставить население принять ценности и взгляды ограбивших их новых хозяев жизни, отождествить себя с ними (социальная версия “стокгольмского синдрома”), признать грабёж 1990-х законным. Модернизация экономики, как известно, требует средств — и немалых. Штука, однако, в том, что “десталинизация-2011” объективно ведёт к приравнению сталинского и гитлеровского режимов, к признанию их обоих равно агрессивными и одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны, а следовательно, к пересмотру её итогов

с последующими исками в адрес РФ о материальной компенсации (по сути речь пойдёт о репарациях, которые обычно победители взимают с побеждённых) со стороны тех стран, на землю которых ступала нога советского солдата-освободителя, только теперь он будет “тоталитарным оккупантом”, а освободителями останутся лишь англо-американцы. “Десталинизация-2011” стимулирует также исковые заявления в адрес России со стороны бывших республик СССР. Первые ласточки (а точнее, вороньё) уже появились. Выплата репараций уведёт из страны огромное количество средств, столь необходимых для модернизации экономики. Неувязочка, господа десталинизаторы.

Или – увязочка? Или – так и задумано?

Теперь вот какой вопрос нашим страдальцам, зовущим народ к покаянию за участие в семидесятилетнем геноциде. Если авторы проекта заговорили о национальном примирении, это значит, что они исходят из факта наличия национального, а точнее – социального конфликта в стране. Именно социального, а не национального; национального – в лучшем случае по форме, с учётом числа нерусских среди “новых русских” (“элиты”) (см. восторги Л. Радзиховского по этому поводу). В РФ действительно налицо противостояние между богатыми и бедными, растущий разрыв, поляризация между ними – децильный коэффициент и индекс Джини зашкаливают. Ситуация весьма похожа на накал классового антагонизма в Великобритании 1830–1840-х годов, который Дизраэли, тогда ещё не премьер-министр, а романист, охарактеризовал как наличие “двух наций”. То есть социальный разрыв был таков, что верхи и низы оказались чуждыми друг другу как две различные нации (то же было в пореформенной России). Какой же выход видел Дизраэли? Простой: сокращение опасного разрыва социальными и экономическими мерами. Какие меры предлагают Федотов, Караганов и К^о? Экономические реформы? Нет. Социальное законодательство? Нет. У них вообще ни слова о социальных проблемах. Всё сведено к сфере сознания. Рецепт прост: каяться в соучастии в самогеноциде, то есть в (со)участии в системе, и на **такой** основе антагонистическим классам замирииться.

Когда-то Оруэлл заметил, что если для интеллектуала социализм – это вопрос теории, то для работяги – это лишняя бутылка молока для его ребёнка. Предложение “десталинизаторов-2011” – это, помимо прочего, предложение сытых. Более того, это подлое предложение, ибо, если учесть степень преемственности советской и постсоветской верхушек (в 90-е годы 70%, в провинции – 80%), то каяться должна именно верхушка, разворовавшая страну и ограбившая народ – перед народом. И, естественно, её холуи из “интеллектухи”, которые подводят под это научное и даже моральное обоснование (“свободу дали” – свободу вымирать ежегодно сотнями тысяч). Призывая к сопокаянию, десталинизаторы уравнивают вора и ограбленного.

И здесь возникает ещё один вопрос, так сказать, *ad hominem*. Если на мгновение принять точку зрения авторов программы на всю советскую историю – с 1917 по 1991 г. – как на самогеноцид, рассматривать её как войну тоталитарного государства с народом, то спрашивается: вы, болезные, воевали в этой войне на стороне народа? Гремели кандалами? Выходили на Красную площадь, протестуя против “тоталитарного государства”? Нет, насколько известно, и Федотов, и Караганов делали неплохую советскую карьеру, были встроены в систему – тоталитарную! И, выходит, были её солдатами, воевали на её стороне. Так что же вы других призываете каяться, начинайте с себя – рвите рубаху, на колени и кайтесь, кайтесь, кайтесь. Нет, к другим обращаетесь. Grosh цена таким призывам. С себя начинать надо, “правдолюбцы” вы наши.

Но, разумеется, элементарные здравый смысл и честность не позволяют нам согласиться с тезисом (в статье С. Караганова) о том, что “народу и элите после последних ста лет себя почти что не за что уважать. Единственное, чем можно по-настоящему гордиться, – Великая Отечественная война. Но её объединительный потенциал со временем истощается” (в значительной степени благодаря усилиям пропагандистских шавок Горбачёва и Ельцина, добавлю я).

Разберём этот пассаж. Прежде всего, обратим внимание на ещё одно проявление когнитивного диссонанса. Великая Отечественная война, победа в ней – это одно из высших, квинтэссенциальных достижений того, что “десталинизаторы-2011” именуют “коммунизмом – сталинизмом – тоталитариз-

мом". Только народ, организованный в такую систему (вне системы народ – толпа), мог сокрушить Третий рейх. Великая Отечественная война – триумф системы, которую обвиняют в самогеноциде и других страшных преступлениях тот же Караганов и подобные. Но тогда либо гордиться победой и системой, либо ненавидеть и отказывать Великой Отечественной в статусе объекта гордости, поскольку победа в войне была одержана советским народом, организованным в советскую (тогда – сталинскую) систему, по её логике, на основе её потенциала. Попытки доказать факт победы вопреки системе – удел умственно отсталых и убогих. По логике его статьи, Караганов должен больше всего ненавидеть именно победу в Великой Отечественной. Иначе все разглагольствования его и ему подобных о семидесяти годах самогеноцида бессмысленны. Развести Великую Отечественную и сталинскую систему невозможно, как ни пытайся. Вот, например, Сванидзе и другие пытались – бились-бились, да только сами разбились.

Победа в войне – далеко не единственное достижение СССР, есть и другие, и немало. Это и превращение страны к концу 1930-х годов в военно-промышленного гиганта, которого не раздавить – отсюда Победа, наша Победа; это и послевоенное восстановление – за 10 лет вместо прогнозируемых на Западе 20-ти; это и освоение космоса, это смертность 6–7 промилле (то есть 6–7 человек на 1000), достигнутая в 1960-е и не превзойдённая никем в мире до сих пор, и многое другое. Обычно антисоветчики и русофобы в таких случаях, злорадно полагая, что уели, задают вопрос: а какой ценой? А какова цена, спрошу я в ответ, возникновения всех новых социальных систем, например, капитализма – достаточно взглянуть на Англию времён Генриха VIII или Елизаветы I. Процент англичан, уничтоженных молодым капиталистическим обществом, будет существенно выше, чем людские потери эпохи становления молодого советского социализма. А какова цена “золотого века” Екатерины II, в основе которого – рабство 30 миллионов из 35 миллионов населения? Какой ценой куплено благосостояние русской буржуазии начала XX века?

А какой ценой создавалась Британская империя? США? А ведь США в XIX веке никто не угрожал – а сколько индейцев и негров уничтожено, тогда как СССР в 1930-е годы должен был форсировать коллективизацию и индустриализацию, иначе в начале 1940-х раздавили бы, и это стало бы окончательным решением русского вопроса, физическим стиранием русских из истории. По сравнению с “подвигами” англосаксов – всё познаётся в сравнении – численность жертв так называемых “сталинских репрессий” (о том, почему “так называемые” – ниже) смотрится как статистически средний масштаб репрессий любого молодого крупного общества, тем более такого, которое пережило мировую войну, революцию и гражданскую войну и для которого насилие имманентно. В обществе, прошедшем войну, революцию, анархию и гражданскую войну, живущем во враждебном окружении, жизнь вообще ценится весьма мало – и народом, и его властью. В СССР ситуация в этом плане изменилась только в конце 1930-х годов, с окончанием холодной гражданской войны, а точнее – национальной фазы (1927–1939 гг.) революции. Суть этой фазы состояла главным образом в подавлении “героев” интернационал-социалистической фазы революции (1917–1927 гг.), в защите России от левых глобалистов и их союзников на мировой арене и в выяснении отношений между различными кланами во власти – в партии, НКВД. Всё это – не говоря о том, что все молодые общества агрессивны – ранняя стадия развития любого общества, будь то рабовладельческое, феодальное или капиталистическое. Это холодная гражданская война, тем более масштабная, чем многочисленнее и современнее (“массовее”) общество, в эпоху масс все системообразующие долгосрочные процессы носят массовый характер. А следовательно, пришло время поговорить о количественном аспекте.

О ПОЛЬЗЕ ЗНАНИЯ СТАТИСТИКИ И ИСТОРИИ

С 1922 по 1953 г. по политическим статьям было осуждено 4 060 306 человек, из них к высшей мере было приговорено 799 455 человек. Это – не “импрессионизм” “Архипелага ГУЛАГ”, а документальные данные, полученные и проверенные исследователями РФ и США. Таким образом, речь идёт о менее чем 2% населения. Много это или мало? По мне, и 0,002 много.

Но это эмоции. Объективный научный подход требует сравнения, и тогда ситуация проясняется. Например, сравнить число крестьян, умерших во время голода 1931–1932 гг. в бедном СССР, и число американцев, умерших – что спустя 80 лет вынуждены признать в США – от голода во время Великой депрессии начала 1930-х в богатой Америке – 4–5 млн. Кроме того, нередко в СССР политические статьи “пришивались” в тех случаях, когда власть не желала признать факты крупного воровства своих представителей (народная власть не может воровать у народа) и других компрометирующих её неполитических преступлений её представителей. Но главное даже не в этом, а в другом.

Десталинизаторы записывают в годы “сталинских репрессий” и тот период, когда Сталин не был № 1 в стране. Так, в 1921–1922 гг. власть в РСФСР была в руках Ленина и Троцкого, в 1923–1925 гг. № 1 был Зиновьев, в 1926–1928 гг. – Бухарин. Да, позиции Сталина постоянно укреплялись в 1920-е годы, в период союза с Бухариным он был сильнее, чем во время триумvirата с Зиновьевым и Каменевым, и всё же № 1 он формально стал только в 1929 г., разгромив команду Бухарина. Но только формально, поскольку даже в 1932 г., как показало дело Рютина, Сталин не мог единолично решать вопрос о том, как и кого репрессировать, даже если эти “кого” планируют его свержение. Ситуация изменилась лишь в 1935–1936 гг., то есть из 32 лет “сталинских репрессий” надо с ходу вычестить 14 лет, бо́льшую часть которых репрессии осуществляли интернационал-социалисты, гвардейцы кардиналов мировой революции Ленина и Троцкого, задвигая которых, Сталин создавал державу – коммунистическую, но державу, а не земшарную республику, строил страну, а не творил мировую революцию.

Но даже со сталинским периодом не всё так просто. Историк Ю. Н. Жуков на основе обширного исторического материала убедительно показал всю неоднозначность сути так называемых “сталинских репрессий”. В ходе работы над новой конституцией Сталин предлагал внести в неё положение об альтернативных выборах. Против этого резко выступили “региональные бароны” (Хрущёв, Эйхе и другие) и “герои гражданской”, опасавшиеся, что народ выберет “контру” – представителей интеллигенции, священников, бывших белогвардейцев и т. п. Предложение Сталина сталинское политбюро прокатило, но, чтобы подстраховаться полностью, “бароны” и “герои” решили нанести превентивный удар по тем слоям населения, которые вызывали у них наибольшие опасения. Главными “забойщиками” стали Хрущёв, который позднее, на пенсии, признает, что у него руки по локоть в крови, и Эйхе. Столкнувшись с консолидированным сопротивлением верхушки, которое он не мог преодолеть, Сталин реагировал двояко: 1) пассивно – там, где мог, уменьшал планировавшийся масштаб репрессий; 2) активно – развернул репрессии против верхушки, начавшей массовый террор (“ступай, отравленная сталь, по назначенью”, хотели террор – получите).

Таким образом, в так называемых “сталинских репрессиях” 1937–1938 гг. (с конца 1938 г. репрессии идут на спад, начинается “бериевская оттепель” – около 20% репрессированных возвращают из тюрем и лагерей) есть не один сталинский “пласт” (он был, никто этого не отрицает, но историческая правда намного сложнее), а несколько: антисталинский массовый, за которым стояла номенклатура, защищавшая свои групповые позиции, и собственно сталинский, как реакция на него; кроме того, в рамках обоих “пластов” значительная часть репрессий связана с выяснением отношений друг с другом различных энкаведешных кланов (этот вопрос хорошо освещён Л. Наумовым и другими). И это ещё более сужает размах сталинской “части” репрессий, жертвой которых стали многие из тех, кто эти репрессии начал в 1936–1937 гг., те, кто насиловал страну в 1920-е, кто стремился превратить русских в хворост для земшарного пожара, кто рассказывал казачество и травил русских крестьян газами.

“Десталинизаторы-2011” причитают: репрессии обрушились на лучших. Это кто же лучшие? Зиновьевы, каменевы, радеки, бухарины, ненавидевшие и презиравшие русский народ? Эйхе, постышевы, тухачевские, якиры? Репрессии обрушились на тех, кто разбудил русское лихо. Как заметил Н. Коржавин в стихотворении “Наивность”: “И просто мздаю, не наказаньем пришёл к ним год тридцать седьмой”. Русский державный советско-патриотический (впервые о советском патриотизме заговорили в 1936 г.; в этом же году пе-

рестали праздновать 7 ноября как Первый день Мировой революции) ответ интернационалистам пришёл через двадцать лет после революции 1917 г. и через десять лет после сталинского поворота от мировой революции к советской державе.

Десталинизаторы проговариваются в главном: лучшие для них – это герои 1920-х годов, герои ленинской гвардии (читай: олигархии) и команда Троцкого, под влиянием которого находился Ленин в последние два года жизни. Именно в эпоху господства космополитическо-большевистской олигархии, земшарников, мир-революционеров с их нэпом хотели бы вернуться сегодняшние “либералы” – наследники троцкистов и земшарников. Да-да, сегодняшние “либералы” – это правые наследники левых интернационалистов/глобалистов и их объективных союзников из Фининтерна – правых глобалистов, так сказать, право-троцкистский блок, протянутый во времени.

Связующее звено между сегодняшними “либералами”-космополитами и левыми интернационалистами – шестидесятники, мечтавшие о возвращении во времена “ленинских норм” и “комиссаров в пыльных шлемах” – тех самых, которые уничтожали русский народ и которым этот народ в 1930-е годы адекватно ответил. Шестидесятничество – реакционная утопия советского общества, идейное оформление частичного возврата при Хрущёве во власть тех, кого Сталин из этой власти вычистил; речь идёт не столько о конкретных людях, сколько об идейных наследниках, ориентированных на “интернационализацию” России, на “общечеловеческие” (читай: западные) ценности, восхищавшихся Западом в принципе, неважно, революционным или контрреволюционным. Знаковые, хотя и разные, фигуры – Евтушенко и Юлиан Семёнов. Знаково и то, что у обоих, как утверждают знающие люди, был личный телефон Андропова, приход к власти которого готовили “либералы-интернационалисты” (в этом плане очень показательны идейные сдвиги в советской культуре во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х годов, во многом разрыхлившие почву для начала подготовки с середины 1970-х бригады демонстрационных советского общества).

Показательно, что “всечеловеки”, будь то мир-революционеры-земшарники или сегодняшние ультралибералы-десталинизаторы, не любят русских. И вообще, и за то, что русские не хотят быть сырьём для их прогресса (ну не хотят, наглецы, сами лезть в печку – сознание у них не модернизированное), и за то, что главным образом на русских опёрся Сталин, вытесняя из власти и множа на ноль интернационал-социалистов. Разумеется, Сталин никогда не был русским националистом, каким его пытаются изобразить некоторые ретивцы, так сказать, от избытка чувств-с. Он был державником-имперцем, видевшим опасность в любом национализме, будь то украинский, грузинский, еврейский или русский (показательно: главным событием конца 1940-х годов была вовсе не раздутая позднее “борьба с космополитами”, а “ленинградское дело”, фигуранты которого подозревались в намерении создать Российскую компартию в РСФСР, то есть в русском национализме. По “ленинградке” и посажено, и к стенке было поставлено намного больше, чем за “низкопоклонство перед Западом”).

В то же время, будучи импер-социалистом, Сталин понимал, что проект Красной мировой системы, альтернативной капитализму, со своим мировым рынком, с полным вытеснением закулисы из советского руководства осуществим только при активной поддержке державообразующего народа, то есть русских. Отсюда совершенно очевидный с середины 1930-х годов курс на “национализацию” коммунизма и его интеграцию в русскую историю; ещё более решительный шаг был сделан во время войны. Во времена экс-троцкиста Хрущёва произошёл заметный откат-реванш, однако, во-первых, не до конца – всё-таки полтора десятилетия реального сталинского правления, несмотря на ряд ошибок, непоследовательностей и вынужденных компромиссных действий вождя не могли пройти бесследно; во-вторых, брежневская команда в своих интересах тормознула этот процесс – официальная “интернационализация”/космополитизация советского коммунизма была замедлена (но как показали дальнейшие события, не остановлена).

Акцент, особенно после чехословацких событий, был сделан на государственно-патриотических аспектах развития СССР – но сделан нечётко и непоследовательно, что, помимо прочего, и облегчило оформление горбачёвщины. Тем не менее именно этого государственно-патриотического поворота не

могли простить Брежневу шестидесятники, диссиденты и определённая часть номенклатуры, включая прозападно-коммерциализированный сегмент ГБ. Не позволили брежневцы и модифицировать СССР на квазикапиталистический лад — этот процесс так и остался ограничен теновой частью общества, правда, он захватывал всё большую её часть и толкал ситуацию в направлении перемены мест хозяина и его тени. Особенно этот процесс ускорили “косыгинские” реформы, “разрядка” и резкий скачок цен на нефть. И это ограничение “либерализации экономики” теновой зоной тоже не могли простить Брежневу “перестройщики”, уже пришедшие к власти с идеей смены строя — сначала “нэпизации”, а затем капитализации СССР. Так исторически Сталин и Брежнев при всём различии и несопоставимости этих фигур оказались в лиге “плохих”, а Ленин, Хрущёв и, конечно же, Горбачёв — в лиге “хороших”, героев. Я не случайно говорю о различии Сталина и Брежнева и их моделей “реального социализма”, поскольку брежневская модель есть отрицание сталинизма и её торжество означает почти **полную** десталинизацию советского общества, произошедшую в конце 1960-х, “гордых и пузатых”, как точно и сочно поётся в песне “Любэ”, годов.

ФИНАЛ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ: 1960–1970-е ГОДЫ

Если Хрущёв начал частичный демонтаж сталинизма в идейной, внутри- и внешнеполитической сфере, но оставался (последним) сталинцем на пути превращения номенклатуры в “слои-для-себя”, то Брежнев завершил этот демонтаж. Он не только подтвердил номенклатуре физические гарантии существования (этого она добилась с Хрущёвым и Маленковым ещё в 1953–1956 гг.), но обеспечил социальные, а с ними — косвенно (но не прямо!) — экономические гарантии существования. Средством обеспечения стал “застой”, то есть господство горизонтальной мобильности номенклатуры над вертикальной. Брежнев в известном смысле создал если не антисталинскую, то несталинскую (постсталинскую) модель социализма.

С брежневской моделью советское общество преодолело сталинизм, произошла десталинизация, хрущёвский переходный период завершился. Поэтому все разговоры о необходимости сегодня десталинизации — заведомая ложь. Реальная десталинизация произошла при Брежневе и оказалась столь полной, а реставрация характерного для сталинизма типа отношений центра-верха с основной массой номенклатуры столь невозможной, что теперь можно было не бояться возвращения Сталина со знаком “плюс” на экраны, на страницы книг и т. д. Аналогия — принятие “Марсельезы” в качестве гимна Франции в 1870-е годы после подавления Парижской коммуны и почти столет после революции 1789–1799 гг.

У “возвращения” Сталина был ещё один аспект — формальный. Дело в том, что Хрущёв с его волюнтаризмом разрушил многие формы бытия номенклатуры, её нормального функционирования, в определённом смысле создал хаос. Единственным порядком, который знала номенклатура, был сталинский — застойно-брежневский ещё предстояло создать. Поэтому “возвращение” Сталина (в текстах выступлений генсека, на экранах кино) было сигналом о прекращении “волюнтаризма” и восстановлении порядка во внутриноменклатурных отношениях. А вот попытки организовать содержательный возврат хотя бы элементов сталинизма пресекались быстро и эффективно, причём с использованием “научной и творческой интеллигенции” в качестве “слепых агентов” — именно так была устранена в 1967 г. группа “железного Шурика” Шелепина, сторонника возвращения к жёстким методам.

С учётом сказанного, речь должна идти не о попытках восстановить культ Сталина при Брежневе, а, напротив, о системной десталинизации номенклатуры, а потому — об исчезновении страха перед ресталинизацией; в таких условиях уже не надо бороться с противниками режима (за исключением представляющих для него опасность русских почвенников, “русистов”, как называл их Андропов), а, напротив, создавать их прозападную фракцию, расширять диссидентское движение, чем и занялось КГБ в своих ведомственных (и, если брать более широко, захватывая интересы определённой части номенклатуры — в групповых) интересах.

Экономические гарантии номенклатуры в брежневской модели, социаль-

ной опорой которой были средние слои советского общества, и которая основывалась на определённом общественном договоре между этими слоями (их технико-экономической базой была развитая индустриальная система производства и более или менее адекватный ей город), и номенклатурой, оставались функцией служебно-статусного положения последней. Реальная “экономизация” номенклатуры, к которой всё больше подталкивали её интеграция СССР в мировую капиталистическую систему, всё более сырьевая специализация советской экономики в международном разделении труда и растущая опухоль теневой экономики, могла произойти только в виде “капитализации”, то есть превращения номенклатуры в собственников. Это, в свою очередь, требовало нарушения общественного договора с народом в пользу номенклатуры и, более того, экспроприацию ею средних слоёв и огромной части рабочего класса. Средством была полная интеграция в мировой рынок, требовавшая как минимум резкого ослабления СССР, отказа от сверхдержавности — пожалуй, главного завоевания сталинской эпохи и победы в войне, сохранившегося в 1980-е годы.

Иными словами, нужно было повернуть вспять процесс, начатый Сталиным в конце 1920-х годов разгромом групп Троцкого и Бухарина, и включиться в “неолиберальную революцию” глобалистов, только не левых, а правых, и интернационализировать СССР на право-троцкистский (правый — по целям, троцкистский — по методам и отношению к населению) лад, превратив русских и другие народы СССР (но прежде всего русских — системо- и державообразующий народ) в хворост и сырьё этой “революции”. Здесь совпал экономический интерес части номенклатуры и идейные установки советских “либералов” — космополитических наследников земшарников, которые постепенно, с 1950-х годов поднимали голову, организовывались на различных основах и передавали эстафету следующему поколению советофобов, ненавидевших СССР уже не потому, что Сталин изменил идеалам мировой революции, а потому что его система не позволяет советским привилегированным слоям (“проклятой касте”, как называл их Сталин) жить, как верхушка на Западе (читай откровения В. Ерофеева и ему подобных). Как говаривал Сталин, “пойдѣшь налево — придѣшь направо”. Пришли, сменив маску. Прежним осталось одно — нелюбовь, а то и просто ненависть к России и всему русскому.

Брежневская **модель, структура** социализма создавала условия для теневого или полутеневого развития кластера либералов и “капитализаторов”. Выйти из тени мешал **социализм как система**. Значит, систему надо было уничтожить — в союзе с местными теневицами и международным капиталом (его клубами, ложами, политкругами, спецслужбами и т. п.), который испытывал в 1980-е годы серьёзнейшие трудности и в срочных жизненных интересах которого было ослабление и/или уничтожение СССР. Результат — разрушение советской системы и СССР в ходе и посредством горбачёвщины, оформившей союз антисоветских внутренних и внешних сил. Средством погрома в сфере идеологии стала десталинизация, стартовавшая в 1986 г. фильмом “Покаяние”. Главным в этом фильме был призыв к народу каяться — каяться в грехах сталинизма.

XXI ВЕК: УДАР ПО РОССИИ

Если уже брежневская модель была основана на реальной десталинизации, если перестройка под видом десталинизации уничтожила советскую систему в её уже несталинском варианте, то какие же цели может преследовать провозглашаемая сегодня десталинизация? Что это? Война с ветряными мельницами? О нет. Цели и мишени здесь вполне реальные. В объективной тенденции речь идёт об уничтожении России как государства и историко-культурного типа, цивилизации, иными словами — о попытке окончательного решения русского вопроса как в национальном, так и в классовом смысле.

1991 год стал не только реваншем антисоветчиков/антидержавников, это был ещё и классовый реванш. С большевистской прямоотой и классовой ненавистью к народу (“быдлу”) его выразили ещё в перестроечное время немало авторов, например, Татьяна Толстая статьёй-репликой “Пошёл вон, мужик” (mouzhik — так в оригинале). Конечно, пошёл вон — баре “вернулись”; правда, баре больше похожи на вороватых приказчиков, а барыни в лучшем слу-

чае на злословящих кухарок, в худшем — на матерящихся проституток, но это детали: баре-то у нас, извиняйте, — советского замеса, а барыни — из дунек, которых пустили в Европу, точнее, они суть продукты разложения советского общества. А кто может хуже относиться к народу, чем те, кто выбился наверх из этого самого народа, попав из грязи в князи, точнее, второе-третье поколение выбившихся? Худший враг мужика — вчерашний мужик (инженера — инженер, лаборанта — лаборант и т. д.), усевшийся в хозяйское кресло, сбросивший старую социальную характеристику и “выбившийся в люди”. В 1870—1880-е годы об этом много писал Лесков, это — одна из красных нитей его творчества. Ну, а в 1990-е мы это увидели в “новых русских” независимо от реальной национальности последних: национальное по форме, классовое — до социал-дарвинизма, до озверения — по содержанию.

Откуда такой страх у определённой публики перед Сталиным и сталинизмом? Ведь реставрировать сталинизм, чем пугают нас особо умные, невозможно — для этого нет классовой основы. Сталинизм — это “диктатура наёмных работников доиндустриального и раннеиндустриального типа” (В. В. Крылов). По мере индустриализации, усложнения общества эта основа исчезает; уже на рубеже 1940—1950-х годов сталинизм как ранняя форма организации советского общества себя изжил. И это прекрасно понимал сам Сталин, стремившийся к модификации строя, его демократизации по линии ограничения своеобразия номенклатуры — в этом был главный смысл XIX съезда КПСС (и последовавшего за ним октябрьского, 1952 г., пленума), съезда, который сознательно замалчивается, тогда как на первый план искусственно выдвигается XX съезд КПСС — номенклатурные сатурналии, начало того пути, на котором номенклатура превратилась в класс полукриминальных собственников.

У хрущёвской десталинизации несколько ликов, за ней стоят разные силы, от которых прочерчиваются разные линии. Одна из главных — попытка тех, кто выдвинул Хрущёва и манипулировал им, вернуться в 1920-е, во времена олигархии левых глобалистов (к “ленинским нормам”), но теперь уже не для того, чтобы перевернуть капиталистический мир и отряхнуть с ног его прах, став хозяевами планеты, а чтобы интегрироваться в этот мир и войти в долю с его хозяевами — договориться с ними не на державной, советской, русской, а на земшарной основе, которую подрубил, подорвал (как оказалось, не до конца) Сталин — за это данная публика и ненавидела его больше всего. Но, как увидим ниже, не только за это: помимо державно-национального измерения было ещё два — сугубо классовое и цивилизационное.

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ — КЛАССОВО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ОРУДИЕ

С. Караганов пишет: “Моисей водил народ по пустыне 40 лет. 20 лет мы уже отбродили, если так же растратим следующие 20, то можем из пустыни так и не выйти”. Ну, про Моисея и его народ Караганову виднее, а мы поговорим о наших делах. По Караганову выходит, что за последние двадцать лет сталинизм вырос по сравнению с советским периодом, и это таинственное изменение не может не страшить людей типа Караганова и его заказчиков. То, что “десталинизаторы-2011” заярлычивают как сталинизм — это не система, а позитивное восприятие Сталина и его эпохи более чем половиной населения РФ; это массовая реакция на социально несправедливый, открыто эксплуататорский строй, заквашенный на криминале и испечённый по заокеанским лекалам, реакция на геополитическую катастрофу — на утрату державности, а в значительной степени и суверенитета (один последний визит Байдена с его наглыми “указивками” чего стоит), на стремительное ухудшение жизни, на страх перед завтрашним днём, на кривляющихся уродов и проституток в маске “VIP” на телеэкране, короче — на бурально-классовый строй в “либерально-капиталистической” упаковке. По сравнению с этим строим большинству сталинская эпоха кажется счастливым, светлым и победительным временем, которым можно гордиться. Получается, что капитализму сопротивляется не социализм, а вся русская система жизни, русский умострой, русский психопрофиль.

Русский тип — вот что встало на пути капитализма. Недаром, например, тот же Чубайс так ненавидит Достоевского, в чём не стесняется открыто признаваться. Попытка заставить русских каяться (в приверженности сталиниз-

му, в его преступлениях, в самогеноциде, в конечном счёте, за то, что они русские) есть не что иное, как стремление привить русским комплекс исторической вины и неполноценности, как это сделали с немецким народом после Второй мировой. Позиция Сталина по отношению к немцам была куда гуманнее англосаксонской, чего стоит одна фраза: “Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся”, разводящая режим и народ и тем самым снимающая проблему коллективной вины. Победила, однако, по крайней мере, для западной части Германии, иная, англосаксонская точка зрения. Не для того англосаксонские и иные международные банкиры затевали войну и вели Гитлера к власти, чтобы дать Германии встать на ноги. Ну, а чтобы получить стопроцентную гарантию, надо было постараться духовно кастрировать немцев. Ведь откровенно же заявил Черчилль в 1940 г.: “Вам следует понять, что эта война ведётся не против Гитлера или национал-социализма, а против силы и устойчивости немецкого народа, который должен быть сокрушён раз и навсегда”. Иными словами, война велась против духа немецкого народа, по принципу, как заметил К. Свасьян, “никогда больше – Шиллер”.

Аналогичным образом сразу же после окончания мировой горячей войны началась Холодная война против России и русских. Это учёные спорят, когда она началась: в январе 1946 г., в марте 1946-го? А вот американцы дают чёткий ответ на этот вопрос: на медали в честь победы в Холодной войне (“В признание вашей службы” – так называется медаль) выбиты даты 2 сентября 1945 г. (то есть последний день Второй мировой и первый день мира) – 26 декабря 1991 г. Перефразируя Черчилля, следует сказать: то была война против силы и устойчивости русского народа, который должен быть сокрушён раз и навсегда. Подобного рода мысли высказывали многие – от Даллеса до Бжезинского. Последний уже после распада СССР заметил: не надо себя обманывать, мы воевали не против коммунизма, а против России, как бы она ни называлась. Иными словами, война велась и ведётся против духа Пушкина, Толстого, Достоевского, против русского духа и типа. А ведь немцы намного ближе англосаксам, чем русские, они – часть западной цивилизации, так что нам ждать геоисторического и цивилизационного снисхождения или хотя бы понимания тем более не приходится; как пел Вертинский, “мы для них чужие навсегда”.

В то же время с нами как с немцами не получится – несмотря на все усилия дебилизирующего и пошлого (один “Комеди клуб” чего стоит) ТВ. Хотя бы потому, что мы не немцы, потому что в последней войне победили, потому, что первыми слетали в космос, потому что до сих пор ядерная держава – да и других причин много. Впрочем, англосаксы всегда готовы к силовому решению вопроса, причём не своими руками, а чужими. Ведь пообещал же всё тот же Черчилль в 1936 г., за три года до начала войны в Европе, до аншлюса и Мюнхена: “Мы навяжем Гитлеру войну, хочет он этого или нет”. Навязать, не в смысле воевать с ним – для этого не вручают австрийский золотой запас и чехословацкий военно-промышленный комплекс. Навязать – в смысле заставить воевать с кем-то или кого-то с Гитлером. Этим кем-то стал СССР. Аналогичным образом в крайнем, но вполне вероятном случае могут постараться заставить воевать РФ. Например, с Китаем. И это тоже средство решения русского, а в значительной степени, и китайского вопроса – два шара в лузу. Впрочем, надвигающиеся грозные события – на мир вообще и на Запад в частности – могут заставить западную верхушку изменить отношение к России и отказаться от “плана игры” по её разрушению и предпринять шаги, противоположные тем, что делались 25–30 лет. Но это отдельный вопрос.

Разрушение СССР и коммунизма в перестройку было штурмом передовой линии обороны русской цивилизации. Её снесли, но оказалось, что этого мало для торжества даже того ублюдочного, уродливого капитализма, который стал прорастать на нашей почве. На его пути встал русский тип – русская цивилизация. Теперь, по крайней мере, для ультралиберального сегмента новых правящих групп (НПГ), они – главная помеха и в то же время источник опасности. А потому подлежат разрушению. И средства разрушения тупо те же – десталинизация, т. е. работа по трафарету.

В 1986 г. десталинизация, старт которой дал фильм “Покаяние”, была нацелена на демонтаж социализма – под видом сталинизма. Демонтировали социализм. И опять предлагается десталинизация. Теперь под её видом попытаются демонтировать русский тип – историко-культурный и психологиче-

ский, Россию как цивилизацию, ибо в основе советизма так или иначе лежала русскость, что бы ни утверждала та часть русских националистов, для которых враг — государство российское вообще (“империя”) и СССР в частности и в особенности.

Россия — имманентно внекапиталистическая, а следовательно, антикапиталистическая система, которая порождает, пока существует, будет постоянно порождать мощное сопротивление капиталу и его хозяевам, порождать его экзистенциально. Ибо для России и русских капитализм — это смерть, это “ЗД” — депопуляция, дерусификация, деградация (тотальная — власти, общества, экономики и культуры). Отсюда ненависть буржуинов, прежде всего, российских к России и русским — национальная по форме, классовая по содержанию. Проект “десталинизаторов-2011” в области массовой психологии и политики не случайно появился одновременно с докладом ИНСОП, посвящённым экономическим планам “ультралиберального” сегмента НПГ и напомиающим разговоры Лисы Алисы и Кота Базилио о золотых, которые надо закопать на Поле Чудес (помойке) в Стране Дураков, — это две стороны одной медали. Стихийный “сталинизм” населения — ответ на эту ненависть и тающуюся в ней угрозу, интуитивное понимание того, в какой стороне искать спасения от “прогрессоров”, работающих по принципу “для вас — и рубашка с вас” и подталкивающих к пропасти.

В борьбе буржуинов и их плохишей из местных против России и русских главный удар планируется нанести по сознанию, нанести поражение в сфере культуры. Последнее, как верно заметил Жан Франсуа Ревель, является самым унижительным и, добавлю я, обезволивающим — в этом смысл и задача призывов “каяться”. “Модернизация сознания” — это попытка изменить его таким образом, чтобы заставить русских принять капитализм, социальную несправедливость и лишить духовного каркаса сопротивления. “Сталинизм” — это такой ярлык, который можно будет навесить на любой критический анализ постсоветского общества и механизма его возникновения, не говоря уже о социальной критике или тем более сопротивлении.

Ярлык “сталинизм” также может служить предупреждением, негативным сигналом для той части постсоветских верхов, которая, решая свои проблемы, попытается ужесточить контроль над НПГ, вытеснив ультралибералов, и приступить к реальной модернизации страны, которая возможна только как мобилизация, как формирование мобилизующего стратегического субъекта с чрезвычайными полномочиями. Вот для этого последнего и заготовлена наклейка “сталинизм”, его-то возникновение и призваны пресечь репрессии в виде запрета на профессию. Но тем самым десталинизаторы способствуют оформлению такого субъекта — как, по признанию Троцкого, гражданская война способствовала превращению большевистского режима из совокупности разобщённых “кубиков” в монолит; аналогичным образом опасность со стороны левых создала блок фронтовиков и “правых” в Германии осенью 1919 г., тогда как отсутствие непосредственных врагов у немецких “левых” в том же 1919 г. лишило революцию цели — не за что и не против кого. “Десталинизаторы-2011” по сути предлагают власти проект подковёрной холодной гражданской войны против большей части населения. Ну что же, как говорится, ищите и обряцете, стучите и отверзнется. Причём отверзнется может так, что мало не покажется. Ведь вряд ли те, кто в 1920-е годы хотел искоренить “идиотизм русской жизни” и чертил “ножами по живому телу” (Н. Коржавин), думали о том, как ответит на насилие русская история десять лет спустя. Всё-таки надо учить уроки истории.

К контрпродуктивному аспекту деятельности десталинизаторов я ещё вернусь, а сейчас — о чисто психологическом аспекте “десталинизации-2011”. Достижения СССР находятся за пределами возможностей НПГ РФ, они — источник их комплекса исторической неполноценности, несостоятельности, а потому их надо обгадить, а память об СССР — об обществе с установкой на социальную справедливость, высокую культуру и мораль, об обществе с ответственными верхами и народом-творцом — стереть. Средство стирания — объявление всего советского прошлого сплошным “самогеноцидом”, “сталинизмом”, “пороком”. Даже творческого характера системы, её ориентации на человека-творца (в любой сфере) как на идеал не могут простить советской власти сегодняшние бездари — до такой степени, что само стремление создать человека-творца объявляется порочным. Так, в недавнем интервью

“МК” министр А. А. Фурсенко заявил, что пороком советской системы образования было стремление создать человека-творца, тогда как задача образования РФ – создать квалифицированного потребителя, способного пользоваться результатами труда других.

Комментарии излишни. Так выражаться может только начальник конторы “Похоронное бюро российского образования”. Впрочем, не есть ли это лишь сектор более крупного похоронного бюро, и не впору ли этому бюро задуматься о переходе на самообслуживание?

Незадолго до смерти Сталин заметил, что, когда он умрёт, на его могилу нанесут много грязи, но со временем поднимется ветер и разметает её. То же можно сказать о Советском Союзе, о Красном державном проекте как отрицании одновременно и капитализма, и перманентной мировой антикапиталистической революции и земшарной республики (отсюда – “любовь” к Сталину как правых, так и левых глобалистов). С середины 1980-х годов на советское прошлое, в котором было много недостатков (ведь откуда-то вылезли “герои перестройки” и 1990-х годов), нанесено много грязи, но чем дольше существует постсоветский режим, тем меньше верят этой грязи, тем больше интерес к опыту и достижениям СССР, тем больше уважения и восхищения перед Красным проектом и его Генеральным Конструктором. Тем мощнее становится то, что Караганов в страхе назвал растущим “сталинизмом”. Реальные достижения СССР как апогея развития русской цивилизации, подлинно мировой фазы её развития – вот в чём Великая Тайна (военная и мирная) советизма/сталинизма, которую никак не могут разгадать буржуины и их холуи, вот тот тайный ход, по которому пойдёт “неминуемая погибель” (А. Гайдар) буржуинов и плохишей.

Советская власть с её заявляемым упором на социальную справедливость, с её стремлением к эгалитаризму, высокой моралью и, что ещё более важно, реальными огромными достижениями на **этой** основе – укор нечистой совести постсоветских новых хозяев, НПГ, плавно перетекающих в ОПГ, и их интеллектуальной обслуги, всем обязанной советской власти, которую они сегодня поливают грязью. Чистое и светлое нужно втоптать в грязь, творца заменить потребителем-вором и таким образом попытаться заблокировать возникновение в России нового созидательного проекта. Десталинизаторы смерть как боятся нового Большого Красного проекта. В истории, однако, не бывает ни реставраций, ни повторений. Новый созидательный проект придёт не как красный, хотя будет им по сути. И придёт он не с той стороны, откуда ждут, и не в той форме, которой опасаются. И субъект стратегического действия этого проекта будет неожиданным, а ещё более неожиданными – его союзники.

“Десталинизаторы-2011” стараются предотвратить возрождение Большого Красного проекта. Болезные, “красные” придут под другими знамёнами (при этом импульс, возможно, придёт не из России и уж, конечно, не из Китая, которого так боятся десталинизаторы), и, работая против этого проекта, десталинизаторы объективно приближают приход нового строя, т.е. **объективно** работают в качестве то ли наводчиков, то ли могильщиков против своих хозяев. “Ты хорошо роешь, старый крот”, – обращался к Истории в таких случаях Карл Маркс. У нас не Крот – кротята. И они действительно против своей воли и, возможно, воли хозяев, но по воле и логике Истории роют в ту сторону, где Сталин, Берия – “и ещё не весь развёрнут список” (М. Волошин), многие другие страхи, кошмары и фобии. В этом и заключается то, что Гегель называл “коварством истории”. Коварная дама уже включила счётчик. Про знаки на стене я молчу – как говаривал один замечательный деятель русской истории, кто не слеп, тот видит.

МАТЧБОЛ

Итак, в сухом остатке. Программа “десталинизация-2011” построена на фундаменте из вопиющих противоречий, демонстрирующих когнитивный диссонанс её авторов. Для неё характерно полное игнорирование – от незнания или сознательное – важнейших достижений отечественной и зарубежной науки последних десятилетий в области изучения сталинской эпохи; в этом плане “десталинизаторы-2011” остались на уровне примитива хрущёвского доклада на XX съезде и злобной антисоветчины эпохи разгара Холодной войны.

Элементарный анализ советской истории показывает, что десталинизация была завершена за десятилетие, если не больше, до перестройки, а жупел “сталинизм” перестройщики использовали для демонтажа СССР, экспроприации народной собственности и возведения того строя, пассивное сопротивление которому сегодня всё больше отливается в позитивное отношение к сталинской эпохе с её историческими победами, к самому Сталину, фигура которого в общественном сознании обретает грандиозный масштаб и подобно Медному Всаднику преследует наших обезумевших от страха, “евгениев”.

Больше всего нарастающий протест волнует, естественно, ультралибералов. На превентивное подавление сопротивления снизу, с одной стороны, и попыток изменить вектор развития РФ сверху, с другой, и направлена “десталинизация-2011” в том виде, в которой её произвели на свет “неразумные хазары”. И это неудивительно: если у ультралибералов люди с уровнем интеллекта Гайдара-внука – светочи и гуру, то что же говорить о “рядовых”.

Главная мишень десталинизации, как об этом пишут её авторы, – сознание, которое нужно модернизировать, т. е. русское неприятие капитализма и социальной несправедливости. Т. е. мишень – русские ценности, принципы, на которых зиждется русская цивилизация, вне- и антикапиталистическая по своей сути. Так совпадают русофобия и ультракапиталистический классовый дарвинизм в “либеральной” обёртке – в кавычках, поскольку разница между этим “либерализмом” с большой дороги и либерализмом такая же, как между Гручо Марксом и Карлом Марксом.

Но, может, “десталинизаторы-2011” не понимают всех последствий реализации своего проекта, не разумеют его настоящих целей, скрывающихся за ним интересов и мотивов, скрытых шифров, эдакие наивные вольтеровские “кандиды”? Тогда будем надеяться, что эти заметки откроют им глаза, им станет стыдно перед людьми, и они переродятся, ну, например, как Жан Вальжан из “Отверженных” или, на худой конец, как герои индийских мелодрам – ведь никогда не поздно потянуться к добру и свету. В этом случае они по собственной же логике (необходимость покаяния, замирения и проч.) должны покаяться и поставить вопрос о моральной и, главное, политико-правовой оценке горбачёвщины и особенно ельцинщины как форм либерально-криминальных репрессий, как макроразбоя, как преступления против русской государственности и русской цивилизации, как массового истребления их носителей. Следующий шаг, по логике десталинизаторов (в случае их искреннего раскаяния, разумеется) – требования установления мемориала жертвам либерально-криминальной революции 1990-х годов и созданного ею строя. Почему-то эти жертвы сострадания у “десталинизаторов-2011” не вызывают. Или за горбачёвщину и ельцинщину ответствен всё тот же Сталин? Молчат десталинизаторы. Ну что же, как говорил герой одного знаменитого советского фильма, “чем дольше пауза, тем больше она против вас”.

Ну и, наконец, в качестве десерта, а точнее, опричнины – следующее. Я не оговорился, ибо четвёртое (а может, и первое) значение слова “опричнина” (“оприщина”) – это самое лакомое блюдо, которое вносят после ухода основной массы гостей и которым хозяин потчует избранных “лутчих людей”. О произведении авторов-исполнителей “десталинизации-2011” уже сказано – топорная работа недоучек, не прошедших курсов логики и истории (здесь, пожалуй, с творением наших подопечных может сравниться только инсоровские доклады – работы такого уровня А. Зиновьев квалифицировал как “балет безногих”); работа, подставляющая не только их, но и заказчиков. На месте этих последних я бы федотовых-карагановых погнал взащей за профнепригодность. А что же заказчики? Неужели не улавливают ситуацию, её изменение в стране и в мире? Неужели их взгляд на мир настолько узок? Здесь, не обладая инсайдерской информацией, можно только гадать, прислушаться к некоторым мнениям и порассуждать на их тему.

Например, некоторые полагают, что десталинизация якобы затеяна, помимо прочего, для удара по “силовикам-чекистам” (запрет на профессию, люстрации и прочее) плюс – косвенно – по Красному Китаю, на который эти силовики якобы ориентируются. Если это так, то всё это очень странно. Во-первых, нет у нас сегодня чекистов из сталинской эпохи, нынешние – родом из перестроечного, в лучшем случае позднесоветского “полукоммерческого” “детства” и принадлежат к тому ведомству, немало структур которого сыграли значительную роль в развале СССР.

Во-вторых, Сталин здесь явно неподходящая, амбивалентная, как сказали бы учёные люди, фигура. Дело в том, что именно Сталин дважды громил чекистов в 1930-е годы, да и в 1940-е кое-что успел. В этом плане его можно использовать и так, и эдак, и скорее эдак, чем так. Некоторые высказывают предположение, что десталинизация, особенно если её направить в определённое русло, может позволить той части олигархов (и их обслуге), которая родом из “гэбэшного детства”, т. е. является назначенцами на роль “капиталистов”, “правозащитников”, “ультралибералов”, полностью отвязаться от кураторов (или их наследников-смотрящих) и, избавившись от страха, начать пользоваться полученным когда-то богатством на полную катушку – без тормозов, в духе того буйства, что изображено на некоторых коллажах Андрея Будаева.

Если за этим предположением действительно есть резон, то: а) десталинизацию ещё нужно суметь направить в это “определённое” русло; б) наивно полагать, что можно отвязаться от роли, ценой которой стала продажа души: “коготок увяз, всей птичке пропасть”, поэтому лучше сидеть и не чирикать. Но, думаю, “назначенцы” не наивны и прекрасно понимают, что такое “пределы роста” и что те, кого они так опасаются, были в первых рядах десталинизации в 1980-е годы. Так что если “десталинизация-2011” затеяна для освобождения кого-то от поводка, то это артель “Напрасный труд”.

Далее. В случае укрепления РФ и тем более превращения её в новую историческую Россию власти понадобится новый коллективный исторический миф, и тогда Сталин, его эпоха по определению займут в нём одно из главных мест. Кто-то скажет: да никогда нынешняя власть этого не допустит. Не нынешняя власть в целом, поправлю я, а её ультралиберальный сегмент, время которого близится к концу и который прекрасно это понимает, иначе не стал бы дёргаться с “десталинизацией-2011” – нервишки-с. А часики-то – тик-так, тик-так. Собственно, разрушение РФ – последний отчаянный шанс этой публики, поскольку любое укрепление центральной власти (а оно не может быть реализовано ни на ультралиберальных рельсах, ни на балансе между социальной и ультралиберальной ориентациями) поставит не только вопрос “что делать?”, но и “кто виноват?” в результатах последнего двадцатилетия, и за преступлением должно будет последовать наказание. Тик-так, тик-так.

С учётом **такой** перспективы развалить РФ, **таким** образом, спрятав концы в воду, для многих ультралибералов единственный способ не сесть на скамью подсудимых. Аналогичный мотив был у части тех дельцов, которые разваливали СССР, скрывая в геополитической катастрофе последствия организованной ими с целью обогащения катастрофы геоэкономической. В этом смысле правы те, кто чувствует в сегодняшней атмосфере гниловатый, трупный запах перестройки – теперь перестройки-2. Но времена иные, чем 1980-е, когда “неолиберальная революция”, интегральной частью которой стали горбачёвщина и ельцинщина, только начиналась. Сегодня неолиберальная революция, достигнув целого ряда целей, исчерпала себя не только в РФ, но и во всём мире – “но их бедой была победа – за ней открылась пустота” (Н. Коржавин).

Матчбол.

Как говорил Шерлок Холмс в рассказе “Его прощальный поклон”, написанном аккурат в 1917 г., “...скоро поднимется такой восточный ветер, который ещё не дул... Холодный, сколючий ветер... и, может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но... когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее”.